

«Ну вот за что мне все это, а?» — гулкий грохот шагов по чисто вымытым деревянным полам прихожей отдавался у меня в голове. Я четко понимал, что идет кто-то большой, маленькие люди не делают столько шума при ходьбе, даже по таким, сделанным из деревянных досок полам.

Звать меня Захаром Александровичем, мне сорок пять годков недавно стукнуло, ага, недавно... Это теперь смотря с какой стороны глядеть. Проснулся я вчера, оперся на руку, чтобы с кровати встать, и обалдел. Удивление было вызвано отсутствием сил, точнее, их крайне малым количеством. Ничего не понимая, снова лег на спину и поднял перед собой руку, левую. Что удержало от того, чтобы не заорать, даже не понял. Передо мной во всей красе была маленькая, тонкая детская рука. Взглянул и на вторую, затем провел ладонями по лицу и зажмурился.

«Молод! Я снова молод!» — испуг от увиденного мгновенно сменился радостью. Дело в том, что в свои сорок пять лет я здорово износил организм. Ранние занятия тяжелым спортом сделали меня уже к двадцати годам очень слабым человеком. Как бы ни смешно это звучало. Сорванная спина, вытянутые мышцы, грыжи, испорченные суставы, все это в юношеском возрасте, и как итог — полный запрет на какую-либо физическую нагрузку.

Если, конечно, хочу жить. Нет, никто мне не запрещал ходить и даже бегать, поднимать что-то тяжелее бокала с чаем, просто после любой нагрузки я долго лечился. Много раз за свою дурацкую жизнь я пытался начинать восстанавливать здоровье и столько же раз прекращал. Начинаешь бегать, через пять минут сводит ноги, появляется тяжесть, а наутро ты не можешь встать с кровати. Берешь гантели, результат тот же, в поясницу как будто лом воткнули, и он не дает тебе двигаться. Именно из-за болезней в свое время меня не взяли в армию, косить не собирался, но просто завернули по медицине. Для меня это было серьезно, ведь вся моя семья — военные. Хорошо еще в детстве и юности я много занимался с родным дядькой стрельбой, а с батей рукопашкой. Хорошо владел ножом и пистолетом. С огнестрелом повезло, дядька родной еще служил, пока я был юношей, часть рядом, на окраине города, таскал меня с собой, да я и не против был, кто бы отказался пострелять, будучи пацаном. Тяжелое не давали, пробовал только карабин старый, малокалиберный, но вот пистолет Макарова освоил на все сто.

Вот поэтому радость от осознания того, что я вновь молодой, пусть даже и ребенок, просто рвалась из меня наружу. Хотелось закричать и побежать, но то, что увидел после, когда чуть улеглись страсти, заставило набраться терпения. Дело в том, что я никак не мог понять, где нахожусь. Темный потолок, явно деревянный, смущал более всего. Мы ведь в двадцать первом веке привыкли жить с белыми потолками. Есть, конечно, индивиды, что наводят себе черноту на потолок, но

сам я таким не являлся. Посмотрев по сторонам, понял, что ничего не понял. Рядом, возле моей кровати, к изголовью придвинута еще одна кровать, по внешнему виду догадываюсь — железная. Помню, у бабушки на даче такая стояла, годов пятидесятых, не новее. На кровати горкой высятся подушки, красиво составленные и покрытые тонким белым тюлем. Лепота прям. И запахи... Таких запахов в моей жизни не было, на краю сознания что-то маячило, но никак не мог взять в толк, что именно. Все какое-то родное, домашнее, теплое. Только вот где это все, включая меня?

Лежал я, после того как осознал себя ребенком, недолго. Внезапно, я как раз интенсивно размышлял над ситуацией, появилась женщина. Довольно приятной наружности, надо заметить. Высокая, худая, лицо правильной формы, глаза чуть прищурены, нос маленький и слегка вздернут, красивый нос. На голове у женщины был белый платок, прикрывающий светлые, очень светлые волосы. Одежда на ней была какая-то странная, не то платье, не то сарафан, не важно, главное, такое никто не носит, а следовательно, откуда его откопала женщина?

— Захарка, чего разлегся, отцу помощь нужна! — женщина вдобавок обладала красивым, мелодичным голосом, но старалась говорить жестко, словно приказывала, выходило у нее это плохо. Женщине было на вид лет сорок, наверное, поэтому и выглядела привлекательно. Есть у женщин этого возраста какая-то изюминка, не раз замечал. Такие женщины спокойны, знают цену и себе, и жизни вообще. Они степенны, рассудительны, если умны, конечно.

Я вывалился из размышлений, только это не принесло результата, ибо что делать, я не знал.

«Какому отцу помогать, кто эта женщина, да кто я сам-то такой?»

— Да вставай же ты, лежебока! — чуть усмехнувшись, женщина подняла полотенце, зажатое в левой руке. Блин, она ведь мне влепит сейчас, хоть и не со зла, не было в этой женщине злости, лишь забота звучала в красивом голосе, а в глазах хитринка и любовь.

— Встаю, — ответил я и не узнал свой голос. Детский, можно сказать, еще писклявый голосок. Господи боже, да сколько же мне лет-то? Руки, голос, отсутствие силы, боюсь даже представить, что ЕЩЕ ждет меня сегодня.

Как оказалось, спал я в ночной рубаше, длинной, ниже колен, серого цвета, застиранной, но еще крепкой. Поискав глазами то, во что можно переодеться, растерялся. Все вокруг незнакомое, непривычное. Ясно, что нет никакой ванны или унитаза, но надо бы глаза протереть, может, ясность какая наступит. Хорошо, что в детстве много времени проводил у бабушки в деревне, частные дома все похожи друг на друга убранством, как бы при этом ни выглядели снаружи. Предки устраивали быт рационально, а значит, все должно быть рядом и легкодоступно. И точно, отыскав глазами умывальник, вот же древность-то, быстро помыл глаза и прошелся сырыми руками по голове, вроде как стало легче.

— Одежку в сенях смотри, я вечером постирала, должна высохнуть была. Поторопись, грохочет уже рядом совсем, того и гляди нагрянут!

«КТО?» — мысль пронеслась в голове, а тело действовало. Огляделся еще раз и, быстро проскользнув мимо женщины в сени, разыскал портки, на вид примерно моего размера, но с удивительно широкими штанинами, рубаху синюю, с косым воротом и кепарь. Обувки не было видно никакой, это насторожило, но не обеспокоило.

— Кто нагрянет? — решил все же спросить я.

— Ты что, забыл? — женщина всплеснула руками. — Вот как вчера забегался, ничего не слышал ночью? Самолеты летают, что-то грохочет совсем рядом. Люди с утра от Бреста идут, говорят, война началась, немец пришел!

«Ч-ч-чего? Какая-такая война? Какой немец? От какого Бреста люди идут?» — вслух я ничего не сказал, завис намертво. Стою столбом, не понимая ничего, и лишь глазами хлопаю.

— Беги давай, он у складов. Как закончите там, вернетесь вместе и двинемся.

Куда бежать, зачем? Куда двинемся и что за война-то? Голова просто пухла от всего, что вижу и того, что слышу. Слова женщины о Бресте не выходили из головы. Самолеты ночью, Брест, НЕМЦЫ...

На улице, куда я вывалился, предварительно напялив широченные штаны, царил переполох и суета. Людей много, повозки какие-то, шум, гам, пыль клубится, поднятая ногами спешащих людей и копытами лошадей, а еще жара. Подбежав к калитке, распахнутой во всю ширь, ошарашенно обвел глазами происходящее. Улица, деревенская какая-то улица, ну или в небольших городках еще

такие бывают, на окраине. Но вот количество народа просто пугало, наверное, тут никогда столько и не было. Я остолбенел в который раз за утро. Наверное, так и стоял бы, пока женщина не дала мне пинка под зад, если бы не выскочивший откуда-то из толпы мальчишка. Обычный такой мальчишка, лет десяти, наверное, в рванье каком-то, но в огромном кепаре.

— Захар, скорее, бежим на склады, мамка к бабушке послала, сказала, что и ты туда же! — прокричал писклявым голоском мальчишка.

— Ага, — кивнул я и обратил внимание, что мальчишка такой же босоногий, как и я. Кстати, об этом факте уже как-то и позабыл, под ногами была земля, сухая, пыльная, но грязи нет, как и камней, идти было совсем не больно, даже вроде приятно.

Вдвоем с мальчуганом мы рванули вдоль по улице, мимо бредущих обозов. Меня, как только что появившегося в этом мире, интересовало буквально все вокруг. Лошади с повозками, деревянные дома, красивые живые изгороди, редкие колдцы и просто люди. Мужчины и женщины, дети, старики, все куда-то спешили, суетились. Внешний вид людей «убивал» наповал. Одеты буквально все как в старом кино, кто во что горазд. Косоворотки у мужчин, кепки, штаны — в основном галифе, сапоги. Женщины в длинных юбках, платьях, на головах платки, похожий я уже видел на женщине в доме, где очнулся. У всех озабоченные лица, глаза бегают. Да что, черт возьми, происходит-то тут? Хотелось хоть чуть-чуть подумать, времени-то до этого не было совсем, но глазеть по сторонам мне никто не дал.

— Смотри, куда бежишь, щегол!

Зазевавшись, воткнулся в какого-то грузного мужика, уперся лицом прямо в его толстый живот.

— Простите... — брякнул я первое, что пришло в голову и, не успев увернуться, получил подзатыльник. Больно, блин, за что меня так? Я же не сбил этого толстяка, а всего лишь врезался в него, поди сдвинь его с места. — Я же извинился, вы чего? — серьезно спросил я, заметив, как мальчишка, с которым мы вместе бежали, отступает в сторону.

— Чего, еще добавить? — насупился мужик. Особой злости в его голосе не звучало, но опасность для меня он представлял.

— Индюк! — бросил я мужику в лицо и мгновенно бросился бежать. Не знаю почему я наградил этого жирдяя именно таким прозвищем. Грубить как-то жестко не хотелось, да и времени на это не было.

Новая жизнь вселяла радость, хотя и была полна неожиданностей, в том числе от непонимания того, что происходит. На улицах много людей, очень много. Мы бежим, ловко уворачиваясь от пешех и людей на телегах, огибая их и уносясь все дальше.

— Захарка, гляди, летят! — услышал я сбоку (надо бы хоть узнать, как зовут пацана). Посмотрев в его сторону, отметил, что все вокруг смотрят куда-то в небо, а задрав подбородок, обалдел и потерял дар речи. В который раз уже со счета сбился.

«Кино!» — только и пронеслось в мозгу. При чем до смешного правильная мысль звучала немало длиннее. «Кино и немцы!»

По небу, голубому и чистому, плыли черные туши самолетов. Низко. Низко и много, очень много черных туш. Высота их была такой, что легко различались белые кресты на крыльях. Гул стоял на всю округу, низкий такой и страшный. Очуметь, да и только. Картинка из кино, поэтому и мысль была такой. Господи, да где же я?

— Дядька Семен к отцу утром заходил, говорил, что бомбят города, бежим скорее! — дернул меня за рукав мальчуган.

— Слушай, а чего это грохочет где-то слева? — я вдруг осознал то, что меня волновало.

— Пушки, наверное! Говорят, еще и танки едут, много! — мальчишка развел руки в стороны, вероятно желая объяснить, насколько много танков.

— Может, врут? — с сомнением в голосе заметил я.

— Я так же брякнул, когда дядька Семен рассказывал, а отец как заорет: «Колька, иди на улицу!»

Значит, пацана зовут Колькой, ну, хоть знать буду, по всему выходит, что он из моих приятелей, так что это важно для будущего. Нужно вообще больше слушать и меньше говорить самому.

Вновь бежим по улице, сворачивая то и дело, но держа практически прежнее направление. Поглядывая на небо впереди себя, замечаю, как самолеты меняют курс, выстраиваясь в цепь. Это они зачем? Буквально через несколько секунд цепь превращается в круг, и тут я вспоминаю, что слышал о войне в своей жизни. Не успеваю окрикнуть Колю, глаза просто прикованы к самолетам с крестами, когда от идущего первым начинают отделяться черные точки. Точки быстро, как семечки,

брошенные на землю горстью, начинают приближаться к земле и увеличиваться в размерах.

— Колька! — ору я, указывая вперед.

И тут раздаются первые грохочущие удары о землю, а за ними слышится звук взрыва. Огненный столб, сменяясь десятками других, встает недалеко впереди нас. Черт его знает, где это, может, километр, а может, всего метров пятьсот. Земля гудит под ногами и ощутимо трясет. Сбросив свой груз, самолеты с разворотом уходят. Даже не замечаю, как оказываюсь под ближайшим деревом, прижавшись к земле. Рядом лежит Коля и тихо что-то бормочет.

— Чего? — кричу я ему.

— Там, склады... — орет в ответ Колька, и я замечаю на его щеках слезы. Приехали.

— Брось, все будет хорошо, бежим? — спросил я, вставая.

Опасность пока миновала, самолетов не видно, стрельбы вроде тоже нет, нужно идти, посмотреть, что там такое взорвалось. Отсюда было не видно, даже осколки не летали, только грохот слышно и видно дым. Много дыма.

Оказалось, идти оставалось не так уж и далеко. Буквально несколько переулков и мы на месте грандиозного пожарища. Еще только свернули на нужную улицу, у меня волосы на голове затрепали от жара, ближе ста метров и не подойти. Народу много вокруг, но никто не бросается к месту пожара. Страшно. Огонь — это всегда страшно, а когда он высотой с трехэтажный дом, страшно втройне.

Склады были уничтожены. Большое, вытянутое здание в три этажа все скрыто в огне, но и так

понятно, что людей живых там нет. До меня начало доходить, что там вроде как был отец моего нового тела и Колькин батя. Товарищ мой ревет в полный голос, вытирая грязной рукой сопли, размазывая их по лицу. Я нахожусь в прострации, ибо вообще не понимаю, что вокруг творится. В себя прийти помогает кто-то из прохожих.

— Колька, Захар, дуйте домой, здесь вам уже делать нечего! — видя, что мы не сходим со своих мест, на нас прикрикнули: — Что, глухие? А ну марш отсюда!

Оглядев людей, что собирались вокруг, кивнул своим мыслям и, взяв за руку Колю, направляюсь в обратный путь. Так, что мы имеем? Я где-то возле Бреста, того, что на границе с Польшей, в Беларуси. Каким макаром я тут оказался, не понимаю, вроде просто лег спать вечером, книжку почитал и уснул, а проснулся уже тут, в новом, детском обличье. Дела-а... Судя по тому, что происходит, по одежде людей, постройкам и дорогам, это явно не мое время. А это значит... Черт, меня что, в прошлое забросило? А как? Хотя это сейчас совсем глупый вопрос. Мне что, легче станет, если я буду знать, как? Я уже тут, если путь назад есть, то он должен быть таким же, как и путь сюда. Если меня кто-то сюда переместил без моего ведома, значит, назад путь возможен только тем же способом. Но об этом как-то и не хочется думать, слишком много происходит вокруг, не до этого. Мне дали новую жизнь, новое, здоровое тело, только один моментик все портил — война. Не бывает все гладко, всегда есть подвох. На, мужик, новое тело, но жить ты будешь во время войны, где твое новое тело

очень быстро может превратиться в... труп. И не знаешь теперь, радоваться или волосы драть.

— Ты домой? — спросил я товарища, когда оказался мой дом, путь я запомнил, да и не было тут ничего сложного. Колька в ответ только кивнул, шмыгнув носом, и в очередной раз провел по нему рукой. Я направился к калитке. Дом, в котором я появился в этом времени, был небольшим частным домишкой, в три окна по фасаду, обычный такой деревенский. А бегали мы, стало быть, в центр города. Почему решил, что это город? Улочка, где стоит наш дом, маленькая, узкая, а ближе к центру, к складам, их уже много и более широкие. Плюс застройка. Дома уж больно не похожие на деревенские, каменные, двух- и трехэтажные, а тут, стало быть, окраина, с частным сектором.

Едва оказался возле калитки, меня чуть не сбילה с ног та женщина, что и разбудила меня утром. Стало быть, моя новая мама?

— Живой?! — выдохнула женщина, буквально падая на землю. Я попытался ее подхватить, да где там, сил-то нет совсем, едва не рухнул вместе с ней. — Склады? — женщина спросила, подняв голову ко мне и заглянув прямо в глаза. Я лишь кивнул в ответ и не смог удержать взгляд, глаза сами опустились, уставившись в землю.

Как рыдала эта женщина, боже, никогда бы этого не слышать. Плач женщины, это всегда трагедия, а уж когда есть такая причина, как сейчас... Жена только что потеряла любимого мужа, а могла бы еще и сына, ведь сама его туда и послала. Плакала она недолго, минут через пять внезапно вскочила, лицо было настолько бледным, я бы